

Вероника Левитан

Ненастѣе

Вероника Левитан

Ненастье

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73398933

SelfPub; 2026

Аннотация

Лето 2016 года, смена в лагере вдали от городских развлечений воспринимается юным Костей как наказание и принудительные летние работы, пока в пейзаж его мыслей не вторгается молодая и бойкая вожатая.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Вероника Левитан

Ненастье

Глава

лето, 2016 год

Летние лагеря мне всегда напоминали больше наказание или профилактическую работу, нежели отдых и оздоровление подрастающего организма. Восемнадцать дней находиться в компании незнакомых мне людей, с которыми едва ли мы в последующем пересечёмся, следовать чёткому распорядку дня, имея свободу лишь на справление нужды и то, если уведомить старших, – всё это отнимало у меня драгоценные дни каникул, которые я мог бы потратить за своим досугом. Какой же он может быть у пятнадцатилетнего парня? В сущности – любой, но мне по душе приходились компьютерные игры и комиксы.

Был у меня в то время один друг, мы частенько после школы захаживали друг к другу и до прихода родителей не отнимали носа от монитора. Мы были детьми, а то была наша юность и нам доставляло огромное удовольствие дожидаться по средам последнего урока, каким была физкультура, и с которой нас частенько отпускали раньше, если справлялись с нормативами, а следом бежать домой и запускать любимую

игру. Сейчас тяжело поверить в то, что я уже позабыл, во что мы тогда играли. Вадим же давно переехал и мы больше не виделись. *«После выпуска все разлетелись,»* – как любила тогда говорить наша классная руководительница.

В то лето моего лучшего друга отправили к бабушке в деревню, до которой прямая дорога лежала на электричке и ценой в несколько часов езды на ней. Возможно, ему тогда повезло, потому что отзывался он о своих каникулах как и прежде, а вот я те восемнадцать дней лета ненавидел ещё очень долго.

Лагерь находился далеко от нашего города, настолько, что мама приезжала всего раз, дабы убедиться, что путёвка была взята не зря. Её можно понять: здоровый лоб, целыми днями сидящий за компьютером дома и не делающий ничего полезного, раздражает куда сильнее, чем тот же лоб, ничего не делающий по дому, но вдали от него. Даже спустя десять лет я хорошо помню названия местных городишек, которые ассоциируются лишь с этим лагерем и именно той сменой.

Преимущество, какое расписывали на цветных глянцевых листовках, детского оздоровительного лагеря заключалось в расположенном на его территории озере. В закатный вечер особенно красиво переливалось небо на водной глади, а потревоженный песок со дна отдалённо напоминал космическую пыль. Озеро и вправду было волшебным, вот только мы особо в нём не купались. Дети всё же.

На этаже, где находились комнаты моего отряда, была и

вожатская, что служила разделительным постом между половиной девочек и половиной мальчиков. Судя по тому, как далеко находился лагерь, я представлял, что нас встретит бывалая женщина, напарником которой выступит молодой студент, чьей задачей будет разгонять нас по комнатам тренерским свистком. Но из комнаты вожатых к нам вышла *она*.

Спустя года я посмеивался с себя, со своей реакции, но готов поклясться, это действительно было как в кино. Молодая девушка, чьи волосы успела изъесть не одна баночка перекиси, высокая, в чёрных потрёпанных шортах и футболке, небрежно заправленной спереди, проходила по списку и подзывала к себе новобранцев. Она так нас и называла в начале – *новобранцами*. Уже после, весь свой первый день я пытался разгадать, что за цвет волос у неё был. Он напоминал смесь мяты и сахарной ваты, слепленной фиолетовой жвачкой. Этот цвет подходил под её многочисленные кулончики, которые свисали шнурками с её шеи.

– Меня зовут Анастасия, – отчество я так и не расслышал, а затем и не было повода узнать, – но вы можете называть меня просто Настя, и ты тоже, – она впервые обратилась лично ко мне. – Помимо меня у вас будет ещё один вожатый в отряде, но он прибудет к вечеру.

Настя передавала матери бумаги, которые та должна была заполнить. В небольшой комнатке, рассчитанной на две одноместные кровати, витал сладковатый аромат духов. Я плохо тогда разбирался во всём этом, впрочем, как и сейчас не

прослыл явным знатоком парфюмерной грамоты, только потом я узнал, что это была газировка. Вожатая дала маме записать свой номер телефона, что было обычной формальностью при заселении. Чем дольше я глядел на неё, вслушивался в её непринуждённую речь, тем яснее представлял себе, какими крутыми могут быть взрослые. Она даже не была той стереотипной *тётенькой*, которая предпочитала делить мир на «правильное» и «неправильное», – такими уж в глазах подростка представляли некоторые взрослые. Настя была *свободной*. Она не стеснялась при родителях говорить «блин», «я даже не знаю» и «ничего себе», при этом украшая каждое восклицание всей присущей ей эмоциональностью. Мне в последующем встречались такие взрослые – они отличались от наших родителей и учителей тем, что ещё не совсем позабыли, когда сами были подростками да детьми.

– Сразу скажу, что я за доверительные отношения, чтобы избавить и вас, и нас от неприятностей, – она очень ловко раскладывала заполненные листы по стопкам на своём столе, – поскольку мы несём ответственность за всех детей, а их в одном отряде тридцать человек, нам нужно знать, кто где находится. Если младшеньких мы держим всегда при себе, то ребят возраста... – Настя взглянула на бланк, ища моё имя, – ... Кости уже мы не можем пасти на каждом шагу. Мы с моим коллегой очень понимающие, сами были такими. Потому спрашиваю прямо: ваш сын курит?

– Нет! – быстро отчеканил я.

Мама, удивительно проницательная женщина, никак это не прокомментировала. Лишь кинула смешок в мою сторону, ведь именно она вчера спрашивала у меня, сколько сигарет мне хватит на эту смену. И по мне же видно было, что время от времени я бегаю покурить, что от пятичасовой езды мне болело нисколько пятая точка, сколько зудело от потребности пропустить через себя никотиновый дым. Мама давно приняла это и, хоть без попусканий и одного скандала с фи-нишем в виде «никакого интернета» не обошлось, следила, чтобы я не курил всякую ерунду. Опозорился я тогда сразу перед двумя женщинами, даже невыученный стих у доски не вызывал столько стыда, как эта глупая ложь в вожатской.

«Сначала мужчина врёт, что он не курит, а потом умирает девственником,» – сурово нарёк я тот момент для себя.

– Вот и правильно, здоровее будешь! – заключила вожатая.

Мама моя стала собираться, сетуя на то, что ей нужно поспеть на автобус до вокзала. Я был благодарен ей, что она долго не задерживалась и даже не искала со мной комнату. Разумеется, я скучал по ней, но, как и любому подростку, в то время мне было присуще нарастающее чувство дискомфорта и раздражения от длительного пребывания в компании одного из родителей. Когда мама выходила из вожатской, я молился, чтобы она ничего лишнего не исполнила при Насте.

– Ладно, Костик, я побегу, а ты тут осваивайся, – чмокну-

ла меня в щеку.

– Ма, ну я же просил!

Ласковые или житейские формы имён в определённый период жизни каждого человека становятся красной тряпкой. Дерматитом, если кому-то легче будет представить, который от каждого соприкосновения обострялся сильнее прежнего. Так и с самооценкой юноши, любовь к которому открыто проявляла пока что лишь одна женщина – его мама.

– Пиши мне! – она помахала рукой и отправилась к выходу.

Меня ободряюще похлопали по плечу. Я понял, что это была рука Насти, но решил разглядеть её с близкого расстояния. Почти на каждом пальце были кольца с минеральными камнями и плетённые из чёрных резинок. В том году я много видел таких браслетов и чокеров на одноклассницах после летних каникул, но на Насте они смотрелись естественно, будто это она придумала такой замудрённый стиль. Я ещё не раз потом думал, что все остальные девчонки каким-то образом знали о ней и просто подражали. А руки её пахли кокосом.

– Ну, что, Костик, – я не думал поправлять её, мне нравилось, как она произносила это, – беги изучать базу и сослуживцев, на этой смене нас ждут Наполеоновские планы! – она широко заулыбалась и направилась в сторону девичьих комнат.

Комната была рассчитана на четырёх человек и по вели-

кой случайности я оказался одним из старших со всего отряда. Прежний лагерный опыт подсказывал, что иногда так комплектуют детей, упрощая работу вожатым, ведь надзор за младшими можно всегда переложить на более подросших детей. Со мной в комнате оказался ещё один парень, ему уже было почти семнадцать. Саня окончил школу и *отстрелялся* на экзаменах, но родители отправили его в лагерь. Он не выглядел чрезмерно раздосадованным, но в мои пятнадцать лет казалось сущим неуважением отправить почти взрослого ребёнка ошиваться среди ещё школьников. Мы нашли общий язык, не прибегая к сближению по интересам. Саня, хотя он настоятельно всех просил называть его Александр, не увлекался компьютерными играми, читал нечто настолько скучное, что я даже не дочитывал название на корешке. Он был симпатичным парнем, его лицо даже не обременили высыпания в расцвет пубертата. Когда он, не выпуская ни на секунду свой телефон, монотонно что-то писал, я полагал, что у него есть девушка или, быть может, несколько, но, как оказалось, Саня, он же Александр, вёл активные политические дебаты в интернете. Один раз заглянув через плечо в его телефон, я тут же пожалел о своём любопытстве.

Должное моему лагерному другу всё же стоило отдать – он неплохо социализировался среди ребят не только нашего отряда, но и других. Саня быстро находил в интернете странички всех заинтересованных в нём и заинтересовавших его – я даже не успел с дороги поставить на зарядку свой теле-

фон, как он постучался в друзья. Именно через него я отыскал аккаунт Насти. К своему сожалению, я обнаружил, что она совершенно не вела найденную нами страничку. С фотографии мне улыбалась девушка в выпускном платье ярко-бирюзового цвета и венком из пышных роз на голове. Она размахивала аттестатом на фоне школы, а самой фотографии было четыре года. Заходила на свою страницу Настя крайне редко, статус её всё никак не мог меня порадовать своим «в сети».

Сразу я не мыслил ничего писать, первые дни погрязли в адаптации, потому возможности разглядеть ещё больше её у меня не было. Настя первые два дня называла многих по фамилиям – моё же имя она запомнила быстро, – за что извинялась и с улыбкой следом раздавала именные бейджики, чтобы запоминать нам самим друг друга было легче. Двое мальчишек двенадцати лет увидели в этом материал для шалости и каждый день писали на бейджиках различные кликухи и прозвища. Так в отряде у нас появились Дедпул и Человек паук. Вожатая такую шутку оценила, потому никто даже не потрудился запомнить их настоящие имена – все повторяли за Настей и называли пацанов именами супер-героев. Я потом обратил внимание, что на джинсовой куртке, которую она надевала вечерами, было много значков с героями комиксов.

«Интересно, ей нравится больше Marvel или DC?» – я цеплялся за всякую деталь и хотел урвать даже крохи информа-

ции о ней.

Самым сложным первое время было выбраться покурить. Сейчас я понимаю, что начинать рано курить вовсе не стоило, да и крутости существенной это не приносило. Курение стало привычкой и я вёлся на поводу зова, высматривая укромные уголки на территории лагеря, где можно было уединиться на несколько минут. Наблюдая за ребятами из старшего отряда, где было преимущественно больше шестнадцатилетних и семнадцатилетних, я обнаружил самую настоящую *легальную* курилку. Легальной она была как раз для тех, кто не спасовал при опросе и подтвердил свою страсть к беленьким соломинкам. И пока все общались, покуривая на скамейках под деревянным навесом, я прятался ото всех, выжидая момента, когда данное место опустеет. Думал ли я подойти к вожатой и признаться? Такая здравая глупость меня не посещала.

– А если маме позвоню? – резким задором прозвучало у меня за спиной, когда я только успел сделать затяжку и выпустить следом дым.

Она по-прежнему была в шортах, но уже с высокой посадкой, а помятую серую футболку сменила белая с маленьким изображением инопланетянина. В час особого зноя Настя заплетала две косички, пряча голову под чёрной кепкой, что украшали яркие нашивки. Я каждый раз терялся, куда опустить или спрятать свой взгляд, – всё в ней было интересным и желанным для изучения. Возможно, я просто не обращал

внимания на сверстниц, как и на прежних вожатых из других лагерей, но Настя-то была особенной. Она могла сутулиться за завтраком, а могла с ровной спиной нести инвентарь к готовящимся спортивным соревнованиям. Лицо её было бледным, но на руках проскальзывали следы естественного загара.

Я опомнился, что стоял перед ней с сигаретой, сразу поспешил затушить её и извиниться. Одним идиотом было мало меня назвать. Настя лишь улыбнулась тепло, в серых её глазах читалась издёвка, и спокойно присела с краю скамейки, ближе ко мне. В руках у неё была своя пачка сигарет и зажигалка, всего мгновение и у её губ оказался бледно-фиолетовый фильтр.

– Чего сразу не сказал, мамы испугался? – она протянула мне сигарету, которой только что затянулась.

– Нет, – мотнул я головой, принимая никотиновую эстафету.

– Постеснялся значит, – кивнула Настя. – Я тоже своим до восемнадцати особо не говорила, даже про то, что пиво в четырнадцать попробовала. Не знаю, что страшнее было получить: от мамы – ремнём или от бати – кулаком, – я вернул ей сигарету, что источала химозный запах черники. – С детьми тяжело. Мало объяснять, что что-то вредно, они первым делом должны *понять* это.

Я старался вести себя непринуждённо, будто прямо сейчас беседовал с другом или соседом по комнате. Настя по-

добным образом разговаривала практически со всеми. Вид с курилки открывался удивительный: за плетеным забором был лес, чья густота листвы умудрялась пересечь территорию лагеря, а вдали от уединенной тени виднелся пляж озера. Вот-вот наш отряд должен был собираться на обед, все дорожки, ведущие в столовую, осыплются шумом и детскими возгласами. На курилке же было спокойно и, как бы противоречиво то не звучало, природа ощущалась в полной мере. Настя не стеснялась при мне закурить ещё одну, она молчаливо поглядывала в сторону озера, притопывая ногами по истерзанной бычками земле. Казалось, будто жизненная энергия в ней бьёт через край и минутные посиделки в тишине для неё были лишь перезарядкой, сменой аккумулятора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.